

Кинцуги для Машины

Владимир П
Кинцуги для Машины

«Автор»

2026

П В.

Кинцуги для Машины / В. П — «Автор», 2026

В один миг высокотехнологичная цивилизация, полностью подчиненная алгоритмам искусственного интеллекта, рушится. Глобальный блэкаут погружает мегаполисы в аналоговую ночь, а на руинах оцифрованного мира воцаряются жестокие тоталитарные фракции. В этом хаосе несколько незнакомцев, запертых в тисках новой пугающей реальности, внезапно чувствуют, как их старые, казалось бы, бесполезные личные вещи оживают и начинают вести себя как компасы, настойчиво указывая в одну точку на востоке. Оставив всё, герои отправляются в отчаянное путешествие через заснеженную, погрузившуюся в тишину страну. Впереди их ждет опасный путь, полный суровых испытаний, где им предстоит столкнуться не только с дикой природой и вооруженными патрулями, но и с самими собой. Смогут ли они дойти до цели и разгадать тайну зова, от которого теперь зависит судьба человечества?

© П В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24

Владимир П

Кинцуги для Машины

Глава 1

Сон (Олег)

Стояла теплая влажная ночь. Спящий лес медленно и размеренно дышал воздухом, очищенным только что прошедшим тропическим дождем. Хвойная смола, прелая листва и тяжелый запах мокрой коры смешивались в этой темноте, создавая густую, почти осязаемую взвесь. Вода ещё стекала по гигантским листьям тиковых деревьев, и падала вниз.

Все капли были разные: сорвавшись с головокружительной высоты тиковых крон, одни с тяжелым, сочным шлепком разбивались о мясистые листья диких бананов; другие, помельче, глухо и часто барабанили по бамбуковым стеблям, словно перебирая струны; третьи со звонким, стеклянным щелчком падали в каменистые лужи у подножия скал. Вся эта водяная геометрия, разбитая на тысячи разных высот и поверхностей, не была хаосом — она создавала свою, умиротворяющую вселенскую мелодию, в которой у каждого звука было свое строго предначертанное место.

В такт этой мелодии жила и ночная часть леса, скрытая от глаз, но осязаемая по шорохам. Высоко на ветке дерева Янг, едва заметная в звездном зените, замерла пятнистая сова. Её круглые желтые глаза были неподвижны, она не мигала, ловя чутким слухом малейший шорох внизу. Чуть дальше, в густых зарослях папоротника, беззвучно, словно воплотившись из самого тумана, возник дымчатый леопард. Мягкие подушечки его лап аккуратно ступали по мокрому гравию без единого шороха; он на миг замер, потянул ноздрями влажный озоновый воздух, улавливая запах испуганного дикобраза, и растаял в темноте, снова став частью ночного рельефа.

Если бы в этом диком, оторванном от цивилизации лесу нашелся человек, который отвёл бы взгляд от глухой черноты зарослей и взглянул бы на ночное небо, то он заметил бы одну странную, пугающую деталь. В эту ночь небо было абсолютно ясным, лишенным даже намека на дымку. Все звезды были видны отчетливо, до самой мелкой искры на краю горизонта. Но они не мерцали, как обычно. Они горели ярким, ровным, неестественно застывшим огнем, словно собрали в себе все остатки сил, и напрягшись, выдавали сейчас максимум своего свечения. Звезды горели так плотно и тяжело, словно делали это в самый последний раз перед тем, как навсегда погаснуть.

Застывший Млечный Путь перерезал на две части острый серп новорожденной луны. Белый холодный клинок прошел ровно посередине звездного океана, словно деля всю галактику на два момента, которые больше никогда не сойдутся: на то, что было *до*, и то, что неизбежно случится *после*. И эта небесная тишина, натянутая как струна, давила на горы с такой силой, что даже ночной туман в низинах прижался еще ниже к земле, и казался тяжелым и неподвижным.

Вместе с лесом спал и Олег. Лежа на тонкой, пахнущей сухой травой циновке в своей пещерной келье, вырубленной прямо в скальной породе, он медленно дышал в такт с дыханием джунглей — глубоко, ровно, без единой заминки. Из маленького грубого окошка, пробитого в каменной толще, на его лицо падал свет луны. Этот серебряный луч, застывший в сыром воздухе, ровно посередине делил его лицо на две абсолютно разные части: одна была яркой, почти прозрачной от света, а другая — оставалась темной, глубокой и холодной, сливаясь с чернотой пещеры.

Олегу было сорок семь лет, и это была его последняя ночь в уединенном древнем монастыре, куда он приезжал уже в третий раз. Каждый год весной он оставлял свою подмосковную жизнь и уезжал сюда, в Таиланд, на три месяца, чтобы выполнять указания старого монаха Луанг Та и постигать тишину, очищая ум от мыслей, тревог, забот и информационного шума цивилизации.

Несмотря на свои солидные года, Олег выглядел скорее, как взрослый парень, чем достойный муж, лет на двадцать восемь. В его теле не ощущалось возраста — оно словно застыло в одной поре, когда лет семнадцать назад он спонтанно пережил то, что древние книги называют «постижением при жизни». Тогда, в Подмосковье, его жизнь разделилась точно так же, как этот луч луны делил его лицо во сне. Ему было тридцать, когда во время обычной прогулки по старому яблоневому саду его внутренний диалог спонтанно, без всяких усилий, просто выключился. Словно кто-то щелкнул тумблером в перегретом приборе. Шум мыслей, вечные оценки, страхи о будущем и обиды на прошлое исчезли за одну секунду, оставив после себя оглушительную, звенящую тишину. В этой тишине Олег впервые увидел, что мир не раздроблен на отдельные предметы. Его собственное тело, старые яблони, пролетающие птицы и кирпичные стены дома оказались сотканы из одной и той же великой Единой Энергии, только вибрирующей на разных частотах.

С тех пор, как внутренний диалог прекратился, клетки его тела перестали тратить силы на страх, обиды и суету. Время словно потеряло над ним власть, оставив его лицо чистым и светлым, но уму требовалась тонкая огранка. За этим он и приезжал к Луанг Та — учиться действовать из этого безмолвия, не воюя с миром, а обтекая его, как вода.

У него были прямые, но мягкие черты лица, лишённые жесткой угловатости. Тёмно-голубые глаза, которые сейчас были скрыты под веками, губы, нос, уши — всё было самого обычного, среднего размера. Ни одна черта его лица не была примечательна сама по себе, в толпе мимо такого человека можно было пройти и не обернуться. Но собранные вместе, они создавали удивительно гармоничное, приятное и глубоко спокойное лицо, от которого физически веяло безопасностью.

Сейчас это лицо было безмятежно, но через миг серебряная нить луны, медленно ползущая по каменной стене кельи, пролегла по его векам, и Олег слегка нахмурился. Ему снился сон.

Обычно в ретрите сны ему почти не снились. Олег засыпал сразу, стоило только голове коснуться циновки, и просыпался уже утром, на рассвете, словно и не было ночи — только один чистый миг безмолвия. Видимо, это был результат практики пустотности, которой его обучал Луанг Та, а может, сны просто не запоминались. Вообще, Олег продолжал настаивать на том, что никакой пустотности в природе нет, а есть лишь наполненность, и всячески старался убедить в этом старого монаха. Тот обычно лишь беззвучно улыбался, слушая доводы Олега, а иногда издевательски показывал ему жест «о-кей» — ты, мол, прав, так и быть.

Сейчас же Олегу снился удивительно живой и реалистичный сон: он стоит в темном зале, высокие массивные колонны уходят вверх, в бескрайнюю темноту. Невозможно было понять размеры этого пространства — ни стен, ни потолка не видно. Воздух здесь сухой, стерильный, пахнет нагретым пластиком и озоном.

В самом центре зала стоит что-то вроде ступенчатого подиума, на котором расположен странный куб размером примерно метр на метр. Куб светится тусклым, алым, пульсирующим светом. От подиума по бетонному полу во все стороны расходятся кабели и провода — толстые и тонкие, прозрачные и черные, похожие на переплетенные корни или капилляры. Присмотревшись, Олег увидел, что эти провода идут к колоннам, которые на самом деле оказались огромными работающими серверами и трансформаторами. В сознании Олега проявился звук — глубокий, вибрирующий, монотонный гул тысяч компьютеров. Этот низкий шум давил на барабанные перепонки, казалось, что весь зал вибрировал на одной тревожащей частоте.

Обернувшись, Олег увидел, что в паре метров позади него стоят люди. Лиц их он не видел, они были скрыты в густой полутьме зала. Их было семеро — парни и девушки, все по-разному одеты. На ком-то угадывался силуэт камуфляжной куртки, на ком-то — легкое платье, кто-то стоял в обычном городском худи. Олег не знал этих людей, но внутри возникло странное чувство, будто их судьбы давно и накрепко связаны.

Один человек (Олег не мог с уверенностью сказать мужчина это или девушка) стоял чуть в стороне от остальных, и его совсем нельзя было разглядеть — это был просто неясный силуэт, больше тень человека, чем сам человек. Но в отличие от остальных, эта тень казалась Олегу знакомой и родной.

Еще чуть поодаль, на границе алого света от куба, он заметил старый, покрытый ржавчиной робот-погрузчик. Скорее всего военный, так как сквозь ржавчину угадывался рисунок — маскировочный пиксель. Глаза-фары робота светились мягким, удивительно теплым золотистым светом. Сам Олег никогда не видел таких машин вживую, но именно так он их себе представлял — тяжелые, угловатые, железные механизмы, которые грузят товары на каком-нибудь гигантском складе в Китае. «Что в таком странном месте делает этот ржавый робот?» — промелькнула мысль в голове Олега.

Но он не успел развить эту мысль. Вибрация зала стала стремительно нарастать, и вскоре из глубокой она стала пронзительно высокой, ультразвуковой, вызывая почти физическое ощущение опасности и скрежет в зубах. Олег снова взглянул на куб и увидел, как тот судорожно дернулся, налился белым жаром и ослепительно, ярко вспыхнул, на миг полностью осветив пространство комнаты. И тут он проснулся.

Олег лежал неподвижно, уставившись в низкий свод пещеры. Белесый, едва уловимый свет рассвета уже начал размывать густые чернильные тени по углам кельи, но внутри всё ещё сохранялась прохлада ночного камня. Он медленно поднял руку и прижал ладонь к шероховатой, влажной стене. Кристаллы горной породы холодно укололи подушечки пальцев, и этот простой физический контакт помог окончательно заземлиться, вынырнуть из цепких объятий выжигающей вспышки алого куба.

Детали сна продолжали стремительно осыпаться в памяти Олега, словно сухая глина. Зал, силуэты людей, ржавый погрузчик с золотыми фарами — сознание безжалостно стирало ночные образы, заменяя их привычной логикой наступающего дня. Олег глубоко вздохнул, впуская в легкие сырой утренний воздух, тянувший из узкого скального оконца. Воздух пах озоном и мокрой травой.

Перевернувшись на живот, Олег аккуратно, чтобы не задеть головой низкий потолок, пополз к выходу. Он давно собирался взять зубило и дорубить в скальной породе нормальный, высокий проем. Но все три месяца ретрита лениво откладывал эту работу, с улыбкой уверяя себя и старого монаха, что он и так без труда пролезает в келью. Ну и что, что каждый раз приходится протискиваться наружу на четвереньках, пачкая колени о серую пыль? Зато позвоночник сохраняет гибкость, а эго учится смирению перед камнем.

Наконец он выбрался на плоский скальный уступ. Свежий утренний ветер мгновенно взъерошил его отросшие темно-русые волосы и бросил в лицо горсть прохладных брызг, сорванных с крон ближайших деревьев. Горы вокруг замерли в коротком предрассветном штиле, готовясь взорваться утренней симфонией.

Олег оглянулся по сторонам. «Последний день весны, последний день ретрита, а ведь казалось — он приехал совсем недавно, три месяца пролетели, как один день» — подумал он.

Позади, посреди этой чуткой тишины, раздался едва уловимый, сухой звук — шуршание мелкого гравия. Олег плавно обернулся, не делая резких движений. Из соседней пещеры вышел Луанг Та. Несмотря на свои без малого девяносто лет, выглядел старик от силы на шестьдесят. Он был сухим, подтянутым, с выбритой до блеска головой и гладким лицом, на котором, казалось, навсегда отпечатался покой этих гор. Шафрановая ткань его монашеского

облачения мягко шуршала при каждом шаге. Луанг Та посмотрел на Олега, его глаза озорно блеснули, и он едва заметно наклонил голову. Так он без слов говорил «доброе утро». Олег улыбнулся и уважительно кивнул в ответ.

Старец родился в глухой горной деревне на севере Таиланда в середине 1940-х годов. Едва мальчик научился ходить, старые мастера лесной традиции Тхеравады распознали в нем редчайший, абсолютно чистый элемент Инь-Дерева — невероятную гибкость духа, соединенную с тектонической укорененностью. В возрасте пяти лет родители, посчитав это высшим благословением, отдали его в уединенный лесной монастырь. С этого момента его жизнь была изъята из мирского хаоса. Его детство прошло в суровом ритме: подъем до рассвета, много-часовые медитации в позе лотоса, заучивание сутр на древнем языке пали и полная тишина. Старцы с самого начала знали, к какому именно моменту на стыке эпох готовят это хрупкое человеческое зерно.

В юности Луанг Та не знал соблазнов больших городов. Пока мир за пределами джунглей лихорадочно перестраивался, возводил бетонные мегаполисы и опутывал планету первыми кремниевыми сетями ложной безопасности, молодой монах уходил в глубокие одиночные практики — тхундонг. Годами он жил в пещерах, деля пространство с дикими тиграми и змеями, питаясь раз в сутки только тем, что подавали крестьяне в его глиняную чашу. Он учился быть мягче травы под ногами и прочнее скалы. Его это не просто подавлялось — оно слой за слоем стиралось о суровую практику присутствия. К сорока годам он стал живой легендой лесного монашества, мастером, способным одним своим присутствием останавливать внутренний шум в умах людей.

На исходе двадцатого века, во время глубокого затвора на вершине горы, Луанг Та достиг окончательного Просветления. Для него полностью исчезли границы между «я» и «мир». Он увидел всю ткань мироздания как единый, дышащий поток энергии. По законам метафизики его сознание должно было навсегда раствориться в блаженстве Нирваны, покинув изношенную физическую оболочку. Но в момент этого перехода старец прозрел грядущую катастрофу — перегрев цивилизации, момент, когда «небо замолчит» и человечество окажется на грани тотального безумия и уничтожения.

Тогда монах добровольно заблокировал свой уход, дав великий обет Бодхисаттвы. Он согласился удерживать свое стареющее тело в физическом мире, терпеть земную тяжесть и боль до тех пор, пока на пороге его обители не появится тот, кому суждено принять Ключ Пробуждения и спасти остатки живого мира.

Молча, ориентируясь на ритм совместного дыхания, они начали утреннюю разминку. В их движениях не было суеты. Они поднимали и опускали руки синхронно, словно две ветки одного дерева под порывами ветра. Каждый сустав Олега отзывался мягким теплом, кровь побежала быстрее, вымывая из мышц остатки ночного оцепенения. После разминки они так же беззвучно сели на плоские камни у края обрыва — спина к спине, скрестив ноги в безмолвной медитации.

Олег прикрыл глаза. На целых десять минут мир вокруг перестал быть внешним. Он не пытался заглушить голоса просыпающихся джунглей или отгородиться от них умом. Напротив, Олег распахнул свое восприятие, позволяя утренней симфонии свободно проходить сквозь себя. Прямо внутри его грудной клетки вибрировал оглушительный треск первых цикад. Вдох далекого дымчатого леопарда, затаившегося в папоротниках, отзывался в его собственном теле. Суета просыпающихся на тиковых кронах обезьян становилась его собственным движением. Олег слышал каждого лесного жителя по отдельности и всех их вместе, как один огромный, дышащий, пульсирующий организм. Первые лучи восходящего солнца коснулись макушки Луанг Та, и Олег физически почувствовал, как потеплел камень под ними. Это был чистый, ничем не заполненный потенциал нового дня.

Старик легко поднялся и принялся заваривать чай. Олег молча наблюдал за его руками, боясь спугнуть это звенящее состояние. Луанг Та развел небольшой костер из сухих веток, и их веселый треск гармонично влился в хор птиц. Монах поочередно брал сухие листья огрубевшими пальцами и бережно перетирал их, прежде чем опустить в медный чайник, ловивший круглыми боками золотые блики. В воздухе тут же поплыл густой, терпкий запах дикого лимонника, горькой коры и горной полыни. Этот аромат был настолько плотным, что казался осязаемым. Он мгновенно заполнил всё пространство у пещеры, окончательно вытесняя стерильный, пластиковый запах ночного куба из памяти Олега. Чайник на огне зашумел, выпуская струйку белого пара, и старик удовлетворенно зажмурился, слушая, как закипает вода. Это было не бытовое действие, а чистое искусство, где не было ни одного лишнего или фальшивого жеста.

Заварив травяной отвар, монах налил его в две старые глиняные пиалы. Олегу каждый раз казалось, что эти чаши старше самого Луанг Та раза в два и наверняка переживут их обоих. На темно-коричневых боках пиал змеились тонкие жилы золотой смолы — следы реставрации в технике кинцуги. Монах протянул одну из них Олега. Приняв её, тот почувствовал ладонями тяжесть и шероховатую массивность обожженной глины, словно в чашу была налита вековая тишина этих гор. Обхватив пиалу обеими руками, он опустил плечи. Его пальцы рефлекторно легли на выпуклую жилу застывшей смолы. Он медленно провел по ней, ощущая контраст: пористая глина резко сменялась плотной, маслянисто-гладкой и теплой линией старого шва.

Первый глоток был горьким, обжигающим, вяжущим. Травы мгновенно отозвались сухостью на языке, но затем, проваливаясь внутрь, отвар раскрылся удивительным сладковатым послевкусием, пахнущим речным туманом, медом и костровым дымом. Олег сделал глубокий вдох, позволяя теплу разлиться по всему телу. Некоторое время они пили чай в долгой, звенящей тишине. Каждый глоток ощущался как отдельный ритуал сонастройки, словно они впитывали саму суть утреннего леса. Сделав еще один глоток, Олег нарушил молчание:

— Учитель, время так быстро летит. Я и не заметил, как пролетели эти три месяца.

Монах посмотрел на него своими молодыми, хитрыми глазами, но ничего не ответил, лишь молча отпил из своей чаши и удовлетворенно прижмурился.

— Время вышло, — тихо продолжил Олег, — а мне кажется, что я так и не постиг вашего учения.

Монах едва заметно пожал плечами:

— Возможно.

— Во всяком случае, — Олег покрутил пиалу в ладонях, чувствуя её тепло, — я хотя бы научился доверять Вселенной. Пусть всё идет своим чередом.

Луанг Та согласно кивнул и посмотрел куда-то сквозь Олега, на верхушки деревьев.

— Мне приснился странный сон, — сказал Олег, ставя чашу на плоский камень. — Я в незнакомом месте, с незнакомыми людьми. Там их было семеро, три парня и три девушки, а еще кто-то, кого я не разглядел в темноте. И там еще был странный куб. Мне кажется, это какой-то квантовый компьютер, но, глядя на него, я ощущал, что это не просто машина, это что-то живое, что-то осознанное. И еще там стоял старый ржавый робот грузчик, у него фары светились теплым золотом... Я едва успел направить на куб всё свое внимание, как он вспыхнул, и я проснулся. Что это может означать, учитель?

Лицо монаха не дрогнуло. С минуту он молча потягивал горячий отвар, переводя взгляд с Олега на небо, а потом ответил:

— Иногда сон — это просто сон.

— А иногда? — прищурился Олег.

Монах широко и весело улыбнулся: —

А иногда — нет.

Олег не выдержал и рассмеялся, а монах вдруг стал серьезным и поставил свою пиалу на землю.

— Мне тоже снился сон этой ночью, — тихо произнес Луанг Та. — Я видел огромную, безжизненную пустыню и яростное, выжигающее все вокруг, полуденное солнце. Ничего, кроме треснувшей сухой земли и жара на сотни километров вокруг. Вот тебе мой наказ: как только вернешься домой, сразу забирай мать и уезжай из города. Ищи место в горах или у самых гор, где есть источники чистой воды.

Олег от неожиданности подался вперед:

— Что? Уехать из Подмосковья? Но почему? И насколько?

— Всё узнаешь в свое время, — отрезал монах, и его голос прозвучал удивительно твердо. — А уезжать — навсегда.

Олег окончательно опешил. Он смотрел на сухую, прямую фигуру старика и не верил своим ушам:

— Навсегда? Но как же дом, хозяйство, привычная жизнь?

— У меня предчувствие, что скоро всё изменится, — монах снова улыбнулся своей привычной, немного лукавой улыбкой. — Просто сделай, как я говорю, а дальше видно будет.

Олег молча опустил голову и кивнул. Спорить со стариком было бесполезно — если Луанг Та говорил с такой интонацией, значит, решение уже было принято где-то глубоко внутри самого пространства.

Еще некоторое время они сидели в полном безмолвии, провожая глазами утренний туман, который медленно рассеивался в долине, словно гигантская невидимая рука аккуратно убирала ночное одеяло с просыпающегося леса.

Затем монах легко, одним плавным движением поднялся на ноги и сверху вниз серьезно посмотрел на Олега: — Тебе пора.

Олег поднялся вслед за ним, закинул на плечо лямку тяжелого рюкзака.

Луанг Та протянул руку и мягко вложил в ладонь Олега маленький предмет. Олег опустил взгляд и удивленно моргнул. Это был старый советский значок — тяжелая, грубо штампованная пятиконечная звезда из тусклой потемневшей латуни, с грубо отколотой по краям красной эмалью, она почти полностью выкрошилась, обнажая шершавый, окислившийся до зелени металл. На остром верхнем луче осталась глубокая забоина, словно когда-то по нему ударили чем-то железным, а на оборотной стороне сохранился обломок старого винтового крепления. Откуда у старого отшельника на далекой тайской горе взялась эта копеечная, побитая временем вещь, Олег и представить себе не мог.

— Спрячь, — тихо, почти шепотом произнес монах, закрывая пальцы Олега вокруг значка. — В металле тоже есть память. Когда небо замолчит, этот осколок укажет тебе направление. И никогда не бойся пустоты, Олег. Ты же сам говорил: её нет. Есть только наполненность, которую мы пока не способны вместить.

Монах развернулся и своей легкой, почти невесомой походкой пошел обратно к скальному лазу. Тяжелый кусок ткани символически прикрыл проход в его келью, издав глухой, короткий стук. Олег остался один. Он аккуратно опустил тяжелую металлическую звездочку в глубокий карман куртки, чувствуя, как она мгновенно потяжелела, поправил лямки рюкзака и начал медленно спускаться по узкой горной тропе.

Внутри него была абсолютная, звенящая тишина. Шаг за шагом горный приют Луанг Та растворялся за спиной в густеющем утреннем тумане, а перед глазами Олега ложилась узкая, сырая от росы тропа. Пальцы в кармане куртки рефлекторно нащупали острые грани металлического значка. Он перекачивал звезду в кулаке, натываясь кожей на сколы эмали, и думал о том, насколько чужеродной, нелепой казалась эта вещь здесь, среди вековых лиан и бамбуковых зарослей. Острый обломок винта на обороте тупо колот ладонь, и этот укол вдруг вытолк-

нул из памяти точно такую же латунную звезду — дедовский значок, который Олег в семилетнем возрасте нашел в старой жестяной коробке на подмосковной даче. Тот, детский значок тоже был сколот по краям, и Олег неделями таскал его в кармане шорт, привыкая к жесткой геометрии лучей. И всё же в её тяжести ощущалось странное, скрытое напряжение — словно этот кусок сплава уже был заряжен будущим, которого еще не существовало в календарях.

Три месяца ретрита подошли к концу, и Олег чувствовал, как его сознание, очищенное долгими часами безмолвия, начинает постепенно уплотняться, готовясь к встрече с привычным миром. Ретрит всегда действовал на него как генеральная уборка: стирались случайные мысли, затихали мелкие тревоги, а восприятие становилось прозрачным, как горный родник. Но этот раз был особенным. Навязчивый сон о синем кубе и застывших в полумраке людях оставил на душе странный, липкий осадок, который не смывался даже утренней лесной симфонией. Олег не верил в случайности. Если его обычно пустой, затихший ум выстроил настолько сложную, детальную и пугающую геометрию, значит, где-то в недрах общего информационного поля уже созрел необратимый и масштабный сдвиг.

Олег думал о наставлении Луанг Та. *Уезжать навсегда*. Слова старика не пугали его, но заставляли внутренние шестеренки ума крутиться быстрее. Навсегда — это весомый срок для человека старого мира, привыкшего цепляться за насиженные места, квартиры и графики. Но для Олега, который давно перестал делить реальность на «свое» и «чужое», этот исход казался просто сменой русла. Он вспомнил маму, Марию Ивановну. Ей восемьдесят семь, но в её огненной натуре никогда не было дряхлости. Она наверняка сейчас сидит на кухне в их подмосковном доме, бодро пролистывает ленту новостей на своем планшете, готовит еду для домашних животных и ждет его возвращения. Ей может даже понравится идея уехать к горам. Земляная хранильница, она всегда расцветала, стоило ей коснуться настоящей, не залитой асфальтом почвы. Она любила их сад и огород, а также свои многочисленные цветочные клумбы.

Тропа уходила вниз, забирая круто вправо, к шумящему в низине ручью. Олег шел, соразмеряя шаг с дыханием, и кожей чувствовал, как за горизонтом, на другой стороне континента, огромная цифровая Матрица мегаполиса продолжает крутить свои миллионы невидимых шестеренок, транзакций и кодов. Система старого мира работала на пределе своих возможностей, даже не подозревая, что её время уже сочтено.

Олег поправил рюкзак и сделал шаг в плотное облако тумана. Позади оставались безмолвные горы Таиланда, а впереди его ждали билеты на самолет, подмосковный перрон и встреча с мамой.

Глава 2

Приезд

Шереметьево встретило Олега плотным, безразличным гулом тысяч кондиционеров и тяжелым, металлическим запахом перегретых авиационных тормозов, смешанным с едва уловимым ароматом дорогого парфюма и керосиновой гари. Мир, в который он вернулся всего после трех месяцев отсутствия, казался пугающе прозрачным, словно вырезанным из лазера и матового стекла. Проходя сквозь турникеты биометрического контроля, Олег даже не замедлил шаг. Ему не нужно было доставать паспорт или прикладывать палец к стеклу сканера — над рамкой беззвучно и часто замигали фиолетовые линзы всевидящих камер высокого разрешения. Они мгновенно натянули на его лицо невидимую цифровую сетку из тысяч векторов, за долю секунды считали уникальный капиллярный рисунок сетчатки, сверили полученный хэш-код с глобальным облаком «Матери» и с мягким шипением распахнули перед ним прозрачные створки. Система распознала его, зафиксировала точку прибытия, сделав еще одну незаметную отметку в своей бесконечной базе данных.

Люди вокруг двигались плотными, безмолвными и удивительно слаженными потоками, похожими на серые ручейки. Почти каждый в этой толпе был намертво подключен к Сети. Плечи прохожих были судорожно приподняты и сжаты внутрь, словно защищая сердце, а шеи неестественно вытянуты вперед. Вся эта людская масса двигалась на жестком автопилоте, уткнувшись подбородками в грудь, все их внимание было направленно на экраны смартфонов и планшетов.

Пальцы пассажиров, не останавливаясь, привычно и быстро скользили по глянцевому стеклу смартфонов, выхватывая из бесконечных лент короткие вспышки информации. В ушах людей тускло мерцали беспроводные капсулы микронаушников, непрерывно качающих в их головы тонны звукового мусора — от утренних биржевых котировок до чьих-то чужих, сгенерированных нейросетью голосов. Проходя мимо, Олег физически ощущал это коллективное, невротическое напряжение: люди не смотрели друг другу в глаза, их взгляды были расфокусированы, прикованы к экранам, словно они боялись упустить хоть один байт информации, транслируемой «Матерью». Цивилизация напоминала огромный, идеально отлаженный кремниевый муравейник, где человеческий фактор был окончательно сведен к роли послушного потребителя трафика.

У самого выхода к поездам внимание Олега привлекла сцена - мужчина в дорогом, но помятом костюме яростно спорил с блестящим кофейным автоматом самообслуживания. Автомат переливался синими диодами и вежливым, безупречным женским голосом «Матери» доказывал клиенту свою правоту: — Уважаемый пользователь, встроенный спектрометр подтверждает, что в ваш стакан налит именно безлактозный флэт-уайт на миндальном молоке с экстрактом лаванды.

Ошибка исключена.

— Да какая лаванда! — почти умолял мужчина, заглядывая в картонный стаканчик. Его свободная рука лихорадочно рубила воздух, а пальцы с такой силой сжали тонкий картон, что из-под крышки брызнула коричневая пена. Над воротником его дорогой рубашки надулась багровая вена от бессильной ярости. — Программа, послушай, ты мне налила обычный три в одном с сахаром! Переделай!

— Изменение рецептуры невозможно, транзакция закрыта. Пожалуйста, оцените качество обслуживания в приложении, — ровно ответила машина и замолчала, равнодушно погасив экран. Мужчина в сердцах плюнул, выругался, выбросил стаканчик в урну, и пошел прочь, так и не сделав ни одного глотка.

Олег улыбнулся и двинулся дальше к эскалаторам. Чуть поодаль, возле панорамного окна, девушка в деловом комбинезоне пыталась разнять двух круглых роботов-уборщиков. Механические пылесосы застряли в узком проходе, намертво упершись друг в друга пластиковыми бамперами. Ни один из них не желал уступать дорогу по инструкции «Матери», и они упрямо буксовали, издавая противный резиновый писк и сердито мигая красными аварийными датчиками, пока девушка пыталась отодвинуть один из них мыском туфли. Рядом с ними, на скамейке, парень в очках виртуальной реальности делал странные, циклические пассы руками в воздухе, словно пытался поймать невидимую муху — физически он находился в терминале Шереметьево, но сознание, подгоняемое алгоритмами, явно строило какую-то цифровую стену в вымышленном мире. Его бледные пальцы хватили пустоту с пугающей, механической точностью, в то время как само обмякшее тело, полулежало на скамье, как мешок картошки.

В этот момент мимо парня проходила совсем молодая девушка, она была одета в джинсы неопределенного цвета и выдавший виды гигантский бомбер ярко-зеленого цвета. Олег разглядел полустертый логотип команды – синий хвост кита и остатки букв W и H. Хотя Олег хорошо разбирался в американских хоккейных и баскетбольных командах, но эта была ему неизвестна.

Парень сделал широкий жест рукой и зацепил девушку. От неожиданности та выронила из рук сумочку и испуганно застыла. Олег, проходя мимо, машинально поднял сумочку и протянул девушке. На мгновение их взгляды пересеклись, и Олегу показалось, что за ясными глазами девушки скрывается огромное темное пространство, словно это была целая вселенная, но безжизненная и пустая – ни звезд, ни планет, ни галактик. Девушка ничего не сказала, взяла сумочку и пошла дальше.

Олег спустился на платформу Аэроэкспресса. Воздух здесь был холодным и неподвижным. С другой стороны платформы за забором проходил очередной митинг экологов. Они размахивали плакатами и что-то выкрикивали. Одна девушка даже забралась на дерево, и оттуда пропагандировала свои лозунги:

Кремниевая плесень долго не живет! Разбейте экраны, пока они не выжгли вашу душу! Человек — дитя Земли, а не раб алгоритма! **Выплюньте гаджеты — вдохните живой воздух!** Хватит кормить машины, пора кормить свои корни!

Пальцы Олега в глубоком кармане куртки потянулись к старому советскому значку, и тяжелая металлическая звездочка в этот момент показалась ему неестественно, свинцово тяжелой. Она словно работала как якорь, удерживающий его на самом дне этого оцифрованного технологического океана. Среди людей, стоявших на перроне, внимание Олега привлек один парень. Он одновременно разговаривал по двум телефонам, в один он почти кричал, что-то яростно доказывая своему невидимому собеседнику, а в другой почти умоляюще о чем-то просил.

Подошла электричка и будто всосала в себя всех людей с платформы, остался только парень с двумя телефонами, который был так поглощен своим двойным разговором, что даже не заметил, как подошел состав. Двери поезда с тихим шипением закрылись, и он тронулся — бесшумно, плавно, без единого рывка набирая ход. За окном, вместо вековых тайских лиан и влажного тумана гор, поплыли бесконечные, серые подмосковные пейзажи, щедро разбавленные гигантскими решетчатыми вышками сотовой связи нового поколения, которые, словно стальные скелеты, пронзали низкое, налитое свинцом небо.

Поезд плавно летел над рельсами, едва уловимо покачиваясь на стрелках, словно баюкал замерших в вагоне пассажиров. Олег достал телефон. Включил. Глянцевый экран мгновенно выбросил в лицо плотную, ядовито-синюю вспышку интерфейса, Олег инстинктивно поморщился, отпрянул и чуть отодвинул трубку от лица чтобы удержать, не расплескать то звенящее состояние безмолвия, которое он уносил из тайской кельи. Полоса уведомлений была забита до отказа всяким мусором. Почта ломилась от сотен безличных системных отчетов, подтверждений и транзакций — огромный цифровой механизм продолжал упрямо генерировать буквы и

цифры все те три месяца, пока Олег молчал в горах, совершенно не нуждаясь в человеческом присутствии.

Он лениво пролистнул вкладку игровых новинок в цифровом магазине. На самом верхнем неоновом баннере, пульсирующем кислотными цветами, значился главный хит сезона — масштабная стратегия «Левиафан: Кремниевый Рассвет». Реклама обещала виртуальный мир, в котором всё — от траектории полета пули до погоды — управлялось безупречным искусственным разумом. Олег долго разглядывал скриншоты, где зеркальные фрактальные небоскребы Сити были зажаты в идеальную, безупречную сетку координат. Для миллионов людей это было просто вечерним бегством от реальности, но в этой безупречной графике отчетливо читался тайный, подсознательный страх человечества перед собственным хаосом. Люди сами, своими руками, кодировали стены клетки, в которую их затем бережно и плавно переселяла «Мать».

Неожиданно на лице Олега появилась ностальгическая улыбка: он увидел новость, что вышла очередная игра в его любимой серии «Герои Меча и Магии. Новая Эра». Еще будучи 12-летним летним пацаном он играл в первую часть, а потом и во все последующие. Еще, вспомнил Олег, была игра – прародительница героев – Кингс Баунти. Тогда, в 90-х эта игра весила примерно 6 мегабайт, и ее записывали на 4 дискеты 3,5 дюйма. Эх, - вздохнул Олег, - как же давно это было. Поиграть бы в новую часть, но видимо, не судьба. Он вспомнил, с какой серьезностью старый монах говорил ему уезжать.

На другой странице он прочел, что его любимый покерный стример Алексей Аврора снова не смог взять первое место на престижном турнире Тритон. «Ну, хотя бы до призов дошел», подумал Олег. В этом году турнир проходил в Таиланде. «А ведь могли бы и пересячься», мелькнула мысль. Он давно мечтал вживую познакомиться с Лешей.

Электричка затормозила на промежуточной станции, со вздохом выпустив воздух из тормозных колодок, и в вагон вошел контролер. Мужчина в строгой темной форме нес перед собой ручной терминал сканирования, словно оголенный прицел, выискивающий цели в полупустом пространстве. Он прошел мимо статного военного, сидевшего в самом конце вагона и остановился возле парня в безразмерном сером худи, который спал, прижавшись лбом к холодному стеклу окна. Контролер даже не попытался разбудить пассажира. Он просто лениво, заученным жестом поднес прибор к его левому запястью, где под бледной, почти прозрачной кожей едва заметно просвечивал темный контур подкожного платежного чипа.

Валидатор издал резкий, противный писк и загорелся сухим красным светом. Контролер привычно, беззлобно встряхнул парня за плечо:

— Гражданин, проснитесь. Ваша базовая подписка на транспорт заблокирована. Система выдает отрицательный баланс.

Парень испуганно открыл глаза, дернулся и судорожно схватился за свой телефон, на экране которого бесконечно крутилось колесико обновления:

— Как отрицательный? Быть не может! У меня там автоплатеж стоял, я точно знаю!
— Автоплатеж списался в счет штрафа за неправильную парковку электросамоката, — монотонно, словно зачитывая чужую инструкцию, произнес контролер, даже не глядя на пассажира.
— «Мать» зафиксировала, что вы оставили его на три сантиметра левее белой линии разметки на выходе из метро. Списание произошло автоматически две минуты назад. Покиньте вагон на следующей станции, или ваш индекс лояльности упадет еще на два пункта.

Парень растерянно смотрел на экран смартфона, беззвучно открывая рот. Он поплёлся к дверям на не слушающихся ногах, совсем сторбившись под весом этого мгновенного штрафа. Контролер даже не повернул головы в его сторону — он уже шагнул дальше по проходу, механически высматривая следующую цель. Двери за спиной парня со свистом захлопнулись на первой же платформе. Цифра поймала человека, оценила его проступок и выставила вон еще до того, как он успел окончательно проснуться.

За окном электрички тянулись одинаковые, серые подмосковные заборы, дачные кооперативы и унылые промышленные зоны, но сквозь этот привычный, сонный пейзаж в сознание Олега ложились отголоски совсем другой реальности. Всплывающие строчки мировых новостей отзывались внутри не буквами, а физическим ощущением тяжести и удушья. Олег перевел взгляд с окна и снова открыл новостную ленту. Весь мир на экранах казался монолитным, но изнутри его была лихорадочная дрожь. Заголовки пестрели сообщениями: в США федеральная резервная система полностью перевела управление процентными ставками на квантовый алгоритм; в Токио роботы-полицейские впервые разогнали митинг экологов, зафиксировав «повышенный уровень углекислого газа от толпы»; на Ближнем Востоке дроны-агрономы уничтожили гектары живых садов, заменив их вертикальными гидропонными фермами ради оптимизации водных ресурсов.

Олег смотрел на эти строчки и видел не прогресс, а критическое перенапряжение.

Цивилизация напоминала один гигантский перегретый конденсатор. Человечество полностью отказалось от биологической связи с землей, отдав бразды правления алгоритмам. «Мать» в России и подобные ей системы по всему миру стягивали узлы контроля всё туже, выжигая из жизни естественный, живой хаос. Олег чувствовал, что эта кремниевая гордыня вошла в резонанс с космическими часами. Это была капиллярная сеть огромного, бездушного, но почти живого Левиафана, который затягивал свои невидимые узлы вокруг планеты и умов людей. Земля была перегружена электромагнитным смогом, а человечество окончательно потеряло свой осязаемый, живой корень, добровольно согласившись стать обслуживающим персоналом для серверных стоек. Напряжение в проводах и процессорах достигло той невидимой критической отметки, когда натянутая струна эфира вот-вот должна была лопнуть. Мир застыл в зените своей гордыни, и солнце над страной уже готовилось сделать свой очищающий вздох, чтобы сжечь эту иллюзорную стабильность до самого основания.

Не доехав до своей подмосковной остановки три перегона, Олег решил выйти наружу. Погода стояла отменная, сидеть ему уже надоело – сначала в самолете, теперь тут. Лучше размять ноги и подышать свежим воздухом. Когда он проходил мимо военного, который сидел прямо и неподвижно, словно статуя, вагон качнуло, и Олег рефлексивно схватился за спинку сиденья военного. Тот резко вскинул голову и посмотрел на него жестким холодным взглядом. Олег молча кивнул служивому и шагнул в тамбур.

Позади остался герметичный, глухо гудящий кондиционерами вагон электрички, и сотни людей, продолжающих свой бег в этом цифровом сне. Платформа встретила его сухим, въедливым запахом разогретого на солнце гудрона и горьковатым придорожным духом пыльной пыли. Светило солнце, щебетали птицы. Олег глубоко, во всю грудь вдохнул этот горький воздух, с хрустом потянулся, поправил лямку рюкзака. Небо над областью казалось необычно высоким, чистым, а вечный, удушающий шум мегаполиса здесь наконец-то немного стих, но тишина природы еще не была полной — её то и дело прошивал далекий, едва слышный гул окружного шоссе. Этот промежуточный мир между бетонными сотами столицы и глухим покоем лесов пах цветущей черемухой, влажной травой и легким бензиновым выхлопом. Ходить пешком Олег любил всегда — для его тела, не знающего ментальной суеты, долгий шаг был естественным способом перемещения в пространстве. За продуктами, или в аптеку он всегда ходил пешком, три километра, туда и обратно. Конец весны уже вовсю заявлял о себе: березы по обочинам дорог оделись в молодую, пронзительно-зеленую листву, а в кустах дикой малины у насыпи заливались очумевшие от майского тепла птицы.

Прямо на его пути стояла церковь. Она была старой, запущенной и неухоженной, с потемневшими от времени кирпичными стенами, но купола её на удивление ярко и вызывающе блестели под полуденным солнцем. Олег на секунду задрал голову, разглядывая этот сияющий металл на фоне дряхлой кладки. К деревянным дверям храма со стороны поселка тонкими ручейками уже стекались прихожане. У покосившейся деревянной ограды лениво почесывала

за ухом старая, облезлая рыжая собака, равнодушно провожая глазами прохожих. Видимо, намечалась служба — из глубины двора раздавался размеренный, тягучий перезвон колокола.

С левой стороны от церковной ограды, прямо на щербатом сером тротуаре, хаотично развернулся стихийный блошинный рынок. Продавцы, в основном согнутые временем бабушки и дедушки в поношенных советских кофтах, разложили на газетах и кусках брезента всякую всячину, за которую надеялись выручить хоть какую-то копейку у дачников. Торговые ряды дышали ржавчиной, сухим деревом и пылью. Тут были вперемешку навалены старые книги, советские юбилейные монеты, пожелтевшая одежда и древняя электроника. В углу одного из брезентовых лоскутов лежал кассетный плеер — пластмассовый, со стертыми кнопками, хотя самих кассет видно не было.

Прямо на брезенте, усыпанном пылью, лежала сморщенная прошлогодняя картошка, ведра с бурыми корнеплодами, пучки свежей, резкой на запах петрушки и дикого лука, прикрытые мокрой марлей от солнца. Рядом с зеленью громоздились стопки потрепанных книг: советская фантастика без обложек, тома Большой советской энциклопедии и старые подшивки журналов «Вокруг света». Дальше тянулся обычный бытовой хлам: тусклые юбилейные монеты, граненые стопки, связки ржавых амбарных ключей, хрустальные салатницы со сколотыми краями и парафиновые свечи, оплывшие от полуденного зноя. Банки с домашним смородиновым вареньем соседствовали с потертыми молитвенниками, а рядом кто-то выставил старые растоптанные кроссовки и пиво в жестяных банках.

Олег медленно шел вдоль этого развала вещей-сирот. Он всегда искренне удивлялся, откуда берется весь этот старый, никому не нужный хлам. Это были осколки, остатки прежнего, аналогового мира, теперь полностью выброшенные за борт новой цивилизации, точно так же, как и эти одинокие пожилые люди. Наверное, только им одним, застрявшим в прошлом веке, эти предметы и были нужны в нынешнее стерильное цифровое время. Сейчас у каждого проходящего мимо человека в кармане брюк одновременно умещались и плеер, и видеомagni-тофон, и камера высокого разрешения с диктофоном. Там были заперты миллионы электронных книг, карт и газет. То были чистые, неосязаемые цифровые вещи, которыми ежесекундно пользовались оцифрованные, вечно спешащие куда-то люди.

Взгляд Олега лениво блуждал по этим тусклым артефактам, как вдруг его внимание привлекла сцена у соседнего лотка. Подросток лет четырнадцати в безразмерном худи и с беспроводным наушником в ухе яростно торговался со старым дедом, на чьей газете среди ржавых гвоздей лежала старая, затертая флешка:

— Дед, ну ты че? Целых пять косых за этот кусок пластика — это оверпрайс! — возмущался парень. — Тут интерфейс USB 2.0, она же еле дышит!

— Не скажи, малой, — веско, с достоинством отвечал старик, поправляя кепку. — Там внутри — чистый дефицит. Полное собрание запрещенного рока нулевых, три сезона старого сериала без цензуры «Матери» и пиратские базы данных. Сейчас в Сети такого не найдешь, там всё синее и стерильное. А тут — живой контент, аналоговый! Ладно уж, бери за четыре, или пролистывай, у меня на неё из Сити клиенты едут.

Парень обиженно вздохнул, достал деньги из кармана и с неохотой протянул деду.

Пацан цапнул флешку и пошагал прочь, качая головой в такт музыке. Из его наушника до Олега донеслись затихающие, грязные басы старой темы The Prodigy — Poison.

Не успел торговец контентом спрятать свой терминал, как к лотку подошел высокий молодой мужчина. На фоне поношенных советских кофт он выглядел как пришелец из другого измерения: дорогое пальто из верблюжьей шерсти, стерильно-белая рубашка и тяжелый, холодный запах парфюма. На его бледном лице застыло брезгливое выражение гермофоба, вынужденного дышать пылью старых вещей.

— Где блок данных? — сухо, без приветствия спросил мужчина, даже не глядя на деда. — Тот, с базами нулевых и чистым аналоговым слоем. Вы писали в Сети, что придержите.

Дед виновато шмыгнул носом и развел руками, указывая на пустую газету:

— Опоздал, милоч. Я думал ты уже не появишься... Пацан только что забрал, за четыре-ста рэ. Вон он, к переезду ковыляет.

Молодой человек резко повернул голову. Его тонкие губы сжались в бледную линию. Он посмотрел вслед удаляющемуся подростку с такой ледяной яростью, словно тот украл у него ключ от бессмертия. Весь его просчитанный, идеальный цифровой мир только что дал сбой из-за какого-то глупого провинциального мальчишки.

Олег, не выдержал и негромко хмыкнул:

— В большой семье, как говорится, биометрия не щелкает.

Молодой человек резко обернулся на голос. Его холодный взгляд уперся в Олега, он и высокомерно процедил:

— Свои дедовские советы при себе оставьте.

Олег молча улыбнулся и перешагнул к следующему лотку, где он увидел вещь, совершенно выбивающуюся из общего ряда. На помятом картоне лежала тяжелая зеленая металлическая бандура – старая военная рация. Настоящий армейский кирпич — точно такие он когда-то мельком видел в старых фильмах про разведчиков. Из её корпуса торчала длиннющая штыревая антенна, а сама она представляла собой грубую, массивную прямоугольную коробку защитного цвета хаки. Олег остановился и взял рацию в руки. Вещь оказалась тяжелой, больше десяти кило явно. Металл корпуса был холодным, краска местами сошла, обнажая серый силумин

— И что? Работает даже? — с удивлением спросил Олег у продавца.

Им оказался сухощавый старичок, который сидел рядом на низком раскладном стульчике с таким важным и невозмутимым проявлением на лице, словно он продавал здесь как минимум путевки в рай. Старик лениво прищурился, оглядел Олега и веско ответил: — А то! Спецразработка, специально для армейской разведки делали. Вещь вечная, в огне не горит и в воде не тонет. Только у меня к ней зарядного устройства нет. Нынешние провода к ней никакие не подходят, гнезда нет, фиг его знает, как её теперь зарядить. Хочешь — забирай, сам разбирайся.

— Что, просто так? — удивился Олег, взвешивая прибор в руках. — Совсем бесплатно?

— Платно, бесплатно — главное, чтоб польза от вещи была, а не на земле без дела валялась! — старик махнул рукой и отвернулся. — Так что хочешь — бери, в рюкзак прячь, а там сочтемся.

— Спасибо, отец, — спокойно сказал Олег, расстегивая замок. Он бережно закинул тяжелый подарок на самое дно рюкзака, прямо к вещам. Тяжелая бандура рухнула вниз, плотная ткань рюкзака мгновенно натянулась, и лямки веско врезались в ладони. — Обязательно сочтемся. Пальцы в кармане куртки в этот момент снова нащупали острую грань латунной звездочки Луанг Та. Значок стал горячим. Олег застегнул рюкзак.

Не успел он пройти и нескольких шагов в сторону тропы, как прямо у церковных ворот с сухим хрустом гравия остановился старый, покрытый пятнами ржавчины микроавтобус. Дверь со скрипом отъехала в сторону, и из салона одна за другой стали выходить женщины разных возрастов, одетые в одинаковую строгую, глухую темную одежду, полностью скрывающую контуры тел. Своими бледными, лишенными косметики лицами и застывшими, отрешенными взглядами они гораздо больше напоминали сектантов, чем обычных прихожан-мирян. Они медленно брели ко входу в церковь, пустым взглядом сканируя пространство. Старшие о чем-то перешептывались.

С другой стороны церкви, прямо к центральным парадным воротам, мягко шурша широкой резиной, подкатил здоровенный мерседес премиум-класса. Он был матово черным, мас-

сивным, с наглухо тонированными стеклами и огромными литыми колесами, которые казались чужеродными на фоне разбитого деревенского асфальта. Подбежавший водитель в костюме услужливо распахнул заднюю дверь, и из недр кожаного салона, тяжело отдуваясь, стал выбираться толстый, неуклюжий батюшка в дорогой, шелковой, красиво убранной золотым шитьем рясе. На его массивной груди, поверх дорогой ткани, покоился огромный золотой крест с не менее крупной, сияющей на солнце золотой цепью.

«По такой цепи не только кот ученый пойдет, но и даже тигр крупный пройдет и не поскользнется», — невольно подумал Олег, разглядывая толстые литые звенья.

Женщины, прибывшие на микроавтобусе, как раз проходили мимо машины. Олег отчетливо зафиксировал, как они бросали на ходу озлобленные, темные и завистливые взгляды на лоснящегося батюшку и его машину. В их смирении не было мира — только подавленный, тлеющий огонь обиды.

Последней из автобуса выскочила совсем юная девушка, на вид ей было лет девятнадцать. Она суетливо попыталась догнать своих старших спутниц, но прямо возле Олега её нога в стоптанной туфле неловко подвернулась на камне, и девушка с коротким испуганным вскриком чуть было не упала на асфальт. Благо Олег оказался совсем рядом. Он среагировал мгновенно, (уроки тай-цзи и вин чун не прошли даром) ловко выкинув руку вперед, и успел крепко подхватить её под локоть, удерживая на весу.

Кожа под её рукавом была горячей. Выровнявшись, девушка мельком взглянула на Олега снизу-вверх. На долю секунды её глаза — огромные, испуганные и глубокие — встретились с его взглядом. Она тут же смущенно потупила взор, едва слышно пробормотала «спасибо», мгновенно покраснев до самых ушей, и отвела лицо в сторону. Но тонкие пальцы её руки крепко вцепились словно утопающий за спасательный круг, в ладонь Олега и не отпускали её, словно интуитивно ловя идущий от него глубокий покой.

— Ну что ты там возишься?! — от ворот церкви тут же послышался резкий, злобный окрик пожилой сестры. — Да еще и с парнем стоишь, ух ты, распутница мелкая! А ну, живо сюда марш! За руку она его держит! Ты погляди-ка! Вот ты у меня помучаешься, грешница!

Девушка испуганно вздрогнула, словно от удара хлыстом, мгновенно выпустила руку Олега и, низко понурив плечи, побрела догонять остальную группу.

Олег молча вздохнул, провожая её взглядом. Он посмотрел на покосившуюся церковь, потом на толстого батюшку, который в данный момент со снисходительной, сытой улыбкой лениво крестил кланяющихся ему в пояс деревенских женщин. Нахмурившись и покачав головой, Олег поправил рюкзак и отправился по тропе дальше, к дому.

Внутри него поднималась волна глубоких, горьких мыслей о том, во что превратилась вера. Глядя на этого сытого, неуклюжего батюшку на черном Мерседесе и на испуганных, забытых женщин из автобуса, Олег отчетливо видел, что современная религия стала просто еще одним бездушным интерфейсом этого времени. Она больше не соединяла человека с Богом, не давала живого тепла — это была жесткая система контроля, где живой огонь духа подменили сухими догмами, правилами и кастовым высокомерием. Одни торговали благодатью, как торгуют кодом в высотках Сити, а другие — управляли своими маленькими общинами через тот же параноидальный страх ошибки, которым цифровые сети душили горожан. Эти несчастные женщины прятались от пугающего, стремительного мира за черными одеждами и монастырскими стенами, превращая веру в добровольную ментальную тюрьму. Они искали спасения в чужих приказах и ограничениях, напрочь позабыв, что Бог — это не устав, не слепая покорность и не тяжелая золотая цепь, а живое, свободное дыхание вселенной, которое невозможно загнать ни в один алгоритм.

Дорога от запущенной пригородной церкви до дома заняла около сорока минут. Олег шёл не торопясь, чуть опустив подбородок и глядя себе под ноги, на клубочки серой сухой пыли, летящей из-под кроссовок, нога упруго и мягко впечатывала подошвы кроссовок в податливую

грунтовую обочину. Шум электричек и тяжелый гудронный дух платформы остались позади; теперь воздух становился гуще и слаще, напитываясь ароматами хвои, мяты, дикой малины и влажного суглинка.

Посёлок встречал его привычным, ленивым полуденным покоем. За покосившимися деревянными заборами глухо и сыто жужжали газонокосилки, где-то надрывно и фальшиво пело радио, а натянутые между столбами провода связи едва слышно гудели под тяжестью невидимого цифрового трафика. Цивилизация города дотягивалась и сюда, но здесь, на окраине, её хватка заметно слабела, увязая в буйном весеннем цветении.

Олег свернул в глухой тупиковый переулок, упиравшийся прямо в стену старого смешанного леса. В самом конце, зажатый между двумя столетними лиственницами, стоял его дом — приземистый, небольшой, одноэтажный, сложенный из потемневшего от времени, толстого лиственничного бруса. Никаких камер на входе, никаких биометрических замков, как в Шереметьево. Простая, кованая железная защёлка на калитке, тронутая благородной рыжей ржавчиной.

Стоило Олегу толкнуть деревянную дверцу, как из зарослей цветущей сирени, бесшумно соткавшись из полуденных теней, вывалился Бонифаций. Огромный, пушистый кот ярко-рыжего цвета весил добрых килограммов восемь. Он двигался вальяжно, с ленивым превосходством хозяина этих мест. Боня дошёл до ног Олега, с глухим, утробным рычанием-мурлыканьем ударился крепким лбом о его лодыжку и замер, преградив дорогу — требовал законную дань за три месяца отсутствия.

— Ну привет, лентяй, — Олег присел на корточки, зарываясь пальцами в густой, пахнущий сухой травой и мышами кошачий подшёрсток. — Смотри, как бока наел! Вот что значит мышинная диета! Боня зажмурил жёлтые глаза и задрожал всем телом от мощного, ровного урчания.

Из сада, шумно буксуя когтями по дорожке, уже нёсся второй обитатель дома — Джэк. Крупный, лохматый дворовый пёс неопределённой породы, похожий на помесь овчарки с волком, избыток чувств выражал бурно. Он не лаял, но преданно и часто задышал, ткнулся мокрым холодным носом прямо в ладонь Олега, заметал хвостом-метлой, поднимая тучи сухой пыли. Ему не было еще и года, и он умел пока только радоваться, играть и исследовать мир. От пса веяло честной, живой прелью, весенней землей и безусловной, чистой радостью момента. Олег обнял собаку за шею, прислушиваясь к этой простой, не знающей ментального шума радостной искренности. И пес тоже замер, словно принимая условия новой для него игры.

Дверь веранды скрипнула, и во двор выглянула Мария Ивановна. В свои восемьдесят семь года мама Олега сохраняла удивительную, почти девичью прямую осанку. В её движениях, быстрых и стремительных, угадывался тотем Водяной Лошади — она не ходила, а словно плыла по дому, успевая делать три дела одновременно. Её седые, аккуратно уложенные волосы серебрились под солнцем, а глаза — ясные, озорные, окружённые лучиками лукавых морщинок — смотрели на сына глубоким, добрым и понимающим взглядом.

Из кармана её фартука тускло поблёскивая металлом, торчал уголок новенького планшета, откуда доносились приглушённые звуки всплывающих уведомлений, но сама Мама держала в руках ящик с рассадой помидоров.

- А я думаю, кто тут шумит, - сказала она и улыбнулась.

— Я же говорила — сегодня приедет, — негромко произнесла она, обращаясь скорее к собаке и коту, чем к Олегу. — Ну, здравствуй, сынок. Изголодался, небось, на своих монашеских травах и корешках?

Они обнялись. Её ладони — шершавые от вечной работы на грядках, и в тоже время мягкие, тёплые и пахнущие уютom — прижались к его лопаткам. Её стихия — чистая, плодородная Земля — мгновенно окутала Олега. Весь звенящий зуд подмосковных вышек связи,

неприятный осадок от ночного сна о синем кубе и дорожная суета просто растворились, ушли в эту землю, не оставив и следа.

— Привет, мам, — Олег поцеловал её в сухую, тёплую щёку. — Ты как всегда, на ногах.

— Садись есть, — привычно, как заклинание, произнесла она свой главный речевой код.

— Пока земля теплая — мы со всем справимся. Пирог как раз подошли.

Вечер опустился на посёлок мягко, укутав сад густыми сиреневыми сумерками. В доме было тепло; старая кирпичная печь, которую мама растопила вопреки майскому теплу просто ради уюта, тихо потрескивала берёзовыми дровами. На круглом дубовом столе, покрытом льняной скатертью, дымился густой суп из лесных грибов, лежали ломти пышного домашнего хлеба и исходил жаром большой пирог со смородиной.

Они сидели вдвоём. Боня устроился на подоконнике, свернувшись рыжим клубком, а Джек неустанно обследовал дачный участок. Олег ел медленно, смакуя каждый кусок. Еда мамы обладала странным, почти магическим эффектом: с каждым глотком горячего бульона тело наливалось тяжелой, спокойной силой.

Когда с ужином было покончено, Олег мягко отодвинул тарелку, обхватил пальцами тёплую кружку с чаем из чабреца и посмотрел маме прямо в глаза.

— Мам, нам нужно будет уехать. Пока не знаю куда. Навсегда.

Мария Ивановна замерла с половником в руке. На секунду в комнате повисла звенящая тишина, нарушаемая только тиканьем старых ходиков на стене и далёким, удушливым гулом окружного шоссе за лесом. Другая женщина её возраста начала бы расспрашивать, паниковать, жаловаться на здоровье или нажитое место. Но старушка лишь внимательно взгляделась в спокойное, уверенное лицо сына. Она видела его насквозь и знала: таким тоном Олег никогда не говорит о незначительных вещах.

— Уехать, значит, — тихо повторила она, поворачиваясь и аккуратно кладя половник на подставку. — А почему так кардинально? Что-то серьезное?

— Да. Луанг Та сказал, что скоро мир изменится. Нужно искать место у гор, где есть источник чистой воды. И сделать это нужно прямо сейчас. У нас есть дня три, не больше. Вот, мне почему-то подумалось про Алтай, ты еще рассказывала, что где-то там жили твои дедушка и бабушка.

Мама повернулась к тумбочке, где лежал её планшет. Экран устройства то и дело вспыхивал ядовито-синими прямоугольниками новостей: Системные сбои, новые правила для всего, новые ограничения «Матери». Она посмотрела на мигающий пластик с лёгким, почти детским любопытством, а затем решительным жестом перевернула его экраном вниз.

— Раз старик сказал — значит соберёмся и поедем, — спокойно кивнула она, и на её лице появилась молодая, озорная улыбка. — Я и правда давно хотела ту землю проведать. Посмотреть место, где твои прадеды жили. Говорят, там трава в рост человека и воздух такой, что пить можно. А картошку мы и там посадим. Земля — она везде земля, если к ней с добром.

С отъездом решили не тянуть. Сборы были нехитрыми, лишёнными суеты. В них не было культа вещей старого мира. Мама в первую очередь достала из комода холщовые мешочки с семенами — старыми, чистыми, не модифицированными сортами томатов, огурцов и кабачков, перца и еще бог знает каких овощей и трав, которые она годами отбирала вручную. Это был её главный, истинный ресурс.

Олег складывал рюкзак. Одежда, крепкие ботинки, нож. На самое дно, рядом с массивной армейской рацией, завернутой в кусок брезента, он опустил стопку любимых книг, и старый баскетбольный мяч. Кожа местами выцвела, швы потерялись от тысяч ударов о бетон и асфальт. Этот мяч был идеальной сферой, символом Инь-Ян и баланса пяти стихий. Олег знал: этот мяч ещё сослужит свою службу.

Перед сном Олег вышел на деревянное крыльцо. Ночь была удивительно тёплой, но в воздухе Подмосковья, вопреки темноте, не было истинной тишины. Олег почти физически

ощущал, как пространство вокруг прошито миллионами невидимых, высокочастотных нитей Wi-Fi, сотовых частот и сигналов спутников. Этот электромагнитный туман давил на виски, Система «Матери» затягивала свои цифровые узлы всё туже, перегревая планету. Струна эфира была натянута до предела.

Солнце медленно опускалось за верхушки дачных сосен, окрашивая сад в теплые багровые тона. Боня глухо, басисто заурчал на коленях Олега, устроившись тяжелым рыжим комом. Олег посмотрел на небо, где на самом краю горизонта уже загорались первые немерцающие точки звезд. Город вдали готовился ко сну, но Сеть не спала — она не могла себе позволить, чтобы такой большой отрезок жизни люди жили вне её контроля. Цветовая мозаика, играющая, словно светомызыка окнами домов, вывесками кафе и яркими билбордами, уродливо пыталась подражать прекрасному танцу далеких звезд.

Олег погладил Боню.

— Ну что, пухлый, — тихо шепнул коту Олег. — Скоро будут у тебя свои собственные охотничьи уголья. Будешь у нас как настоящий тигр.

Бонифаций зевнул, прикрыл глаза и вцепился коготками в штаны Олега. Его круглая мордочка с зажмуренными глазами была удивительным и забавным образом похожа на лицо старого монаха Луанга.

Современный мир дышал током, но под этой ослепительной электрической броней он смертельно и болезненно гнил. Огромный, многомиллионный мегаполис никогда не знал настоящей темноты, тишины и покоя — он был затянут вечным неоновым туманом и плотным, удушливым смогом, который надежно скрывал от людей звездное небо. Город жужжал и вибрировал. Этот низкочастотный, убаюкивающий гул миллионов кондиционеров, кулеров в серверных стойках и беспилотных поездов метро стал главным пульсом цивилизации. Человечество построило свой идеальный, хрустальный замок из стекла, хрома и кремния. Изредка, прорываясь сквозь этот плотный цифровой шум, чьё-то отстраненное, чистое сознание могло уловить глубинную суть происходящего катастрофического сдвига — увидеть, как мир превратился в новый Вавилон, где главным и единственным идолом стали Деньги и Власть. И что башня, уже вот-вот коснувшаяся неба, начала свое монументальное падение. Но для остального человечества эта страшная истина пока оставалась размытой, лишённой явной, осязаемой формы, но подсознательно улавливаемой вибрацией – предчувствия неотвратимой беды.

«Матрица-М», которую с такой холодной гордыней и твердым упрямством писали, обучали и настраивали тысячи программистов в своих сороковых этажах, работала безупречно. Она окутала всю планету невидимой, но удушающей цифровой грибницей, осуществляя тотальный контроль над каждым человеком. Каждый шаг, каждая покупка, каждый поисковый запрос и даже частота пульса с фитнес-браслета какого-нибудь любителя пробежек, сканировались алгоритмами. Анализировались, обрабатывались. И для каждого рассчитывался свой оптимальный путь, который матрица мягко ненавязчиво предлагала человеку. В виде рекламы, в виде подсказок, в виде предложений. Но страшнее всего была потеря воли, которую люди отдавали добровольно взамен на комфорт. Общество поразила эпидемия ментальной и физической лени. Человечество утопало в обжорстве, поглощая тонны суррогатной еды из служб доставки, и утоляло свои низменные потребности через быстрые пиксельные удовольствия. Спорт давно стал считаться чем-то из прошлого века. Чем-то отсталым. Зачем тебе лично бегать и прыгать, если можно просто надеть очки виртуальной реальности и стать кем угодно: хоть Роналду хоть Леброном.

Торговали всем и всеми: телами, убеждениями, чужими секретами и лояльностью. Человеческое эго, раздутое до космических масштабов, полностью выжгло остатки морали. На вершине этой пирамиды потребления стояли продажные чиновники и полиция, превратившие закон в личный бизнес и защищающие лишь интересы тех, у кого кошелек был толще. Мир захлебывался в искусственно раздутых конфликтах. По всей планете корпорации развязывали

жестокие, кровопролитные войны ради контроля над нефтью, редкими металлами и виртуальными нулями на банковских счетах. Это привело к глобальной экологической катастрофе: ядовитые отходы отравляли океаны, а редкие, величественные животные безжалостно гибли — либо задыхаясь в пластиковом мусоре, либо становясь трофеями на подпольной, циничной охоте богачей, развлекающих свое пресыщенное эго. Великие нации были намертво разделены высокими заборами взаимной ненависти и пропаганды. Даже те институты, что веками хранили дух, сдались под натиском золотого тельца. Церковь превратилась в обычный, циничный духовный супермаркет. В её пышных надземных залах торговали не верой, а обрядами по прейскуранту, дорогими сувенирами и отпущением грехов для любого, кто готов заплатить.

Идолы требовали всё новых и новых человеческих жертв, и самыми беззащитными из них стала молодежь. Дети нового века рождались с готовым цифровым клеймом. Их жизни были прописаны в Матрице с первого своего крика. Их жизненный путь был определен бездушной машиной даже не успев начаться. Система уже знала, кто из них будет врачом, а кто солдатом. Их неокрепшие умы с младенчества засасывал этот цифровой водоворот, навсегда отрезая от способности сопереживать, чувствовать живую землю и мыслить самостоятельно. Дворы и спортплощадки пустовали, и даже если на них и забредали дети, то неизменно их внимание было тотально поглощено дисплеем смартфона.

И все же, сквозь эту толщу гнили и цифрового безумия, можно было различить редкие, чудом уцелевшие островки покоя. В глухих лесах, на вершинах неприступных тибетских гор, в уединенных лаосских кельях и скрытых от посторонних глаз старых православных скитах теплилась настоящая, неискаженная жизнь. Там истинные монастыри разных религий, отказавшись от благ техногенного ада, продолжали удерживать ментальный штиль планеты. В этих точках монахи и отшельники продолжали молиться и медитировать в абсолютной тишине, бережно сохраняя исходный код человечности и удерживая равновесие мира, пока Вавилонский рой кружился в своем безумном, предсказуемом танце, ожидая, когда Башня рухнет, накрыв собой все человечество.

Ночь медленно катилась к четырем часам утра. Огромный электрический муравейник продолжал гореть миллиардами окон, вытягивая последние мегаватты из измученной планеты. В этот предрассветный час, когда миллионы людей спали в своих бетонных сотах, а серверы «Матрицы М» работали на пике мощности, по всей глобальной сети планеты на долю секунды прошла едва заметная дрожь. Экраны умных телевизоров во всех домах одновременно моргнули ядовито-синим светом. Беспилотные автомобили на мгновение замерли на пустых эстакадах, потеряв связь со спутниками. Миллиарды смартфонов на прикроватных тумбочках синхронно издали короткий, сухой писк и выдали одну и ту же строчку системного сбоя: «Внешний высокочастотный шум. Ошибка компиляции». Воздух в переулках, квартирах и полицейских участках на миг наполнился упругой энергией, мир словно замер. Но уже через мгновение синие экраны погасли, связь восстановилась, и цифровой рой продолжить спать, списав эту секундную заминку на очередное плановое обновление системы. Ни один человек в этом неоновом муравейнике не поднял головы, чтобы посмотреть на небо. Никто не заметил, что сквозь ядовитый городской смог, прямо над шпилями небоскребов и соборов, пробивая своим холодным светом электрическую гарь, зажглась странная, слишком яркая, абсолютно немигающая звезда.

В эту самую минуту Олег сидел у себя дома. На часах было ровно четыре утра. Он что-то чувствовал, что-то, чему не мог дать определение. Нечто огромное, сильное, но спокойное. Олег смотрел в темное окно на темное небо и понимал: невидимый код вселенной уже перезапущен. Старый мир начал свой финальный отсчет. Рядом, в тусклом свете настольной лампы, Мария Ивановна аккуратно закрыла свой тяжелый блокнот и положила его на самый верх собранного рюкзака. Она посмотрела на сына спокойным, понимающим взглядом и улыбнулась. Всё лишнее было оставлено здесь, в этом доме. На кухонном столе остался лежать

выключенный, мертвый планшет, а в коридоре ждали две дорожные сумки. Этим утром они с мамой отправляются на Алтай. Навстречу тишине, лесу и тому, что пошел им судьба.

Отбытие

Утро встретило их сырым туманом. Они закрыли дом на простой засов, не оборачиваясь на опустевшие окна. Бонифаций и Джек переносили дорожные неудобства на удивление стойко: пёс шёл на поводке рядом с Олегом, гордо неся голову, а кот сидел в просторной брезентовой переноске на плече Мама, лишь изредка издавая глухое, недовольное урчание.

Казанский вокзал встретил их лихорадочным, механическим шумом. Тысячи людей двигались по перронам, уткнувшись в светящиеся экраны, послушно подчиняясь командам на табло и вежливому, но абсолютно мёртвому голосу «Матери», струящемуся из динамиков.

Они сели в поезд «Москва — Владивосток». Старый, тяжелый состав дальнего следования выбивался из общего ряда стерильных скоростных экспрессов. В его железном чреве ещё сохранялся аналоговый дух. Проводник, даже не взглянув на их лица, просто лениво мазнул сканером по экрану телефона и пропустил их в купе. Поезд резко вздрогнул. Олег инстинктивно уперся ладонями в столик, ловя баланс, а Мама веско опустила на спальное место напротив.

Поезд вздрогнул. Металлические сцепки глухо, натужно загрохотали по цепочке вагонов, и старый, тяжелый состав медленно, словно нехотя, покатился прочь от серых платформ Казанского вокзала. Олег сидел у окна, положив ладонь на прохладный столик. За стеклом уплывали назад опутанные проводами перроны, фиолетовые створы биометрических коридоров и толпы людей, беззвучно текущие куда-то с телефонами в руках.

Олег и мама сидели у окна, глядя, как серые платформы Москвы начинают уплывать назад.

Через полчаса поезд вышел на радиальные ветки, огибая огромный, перегретый мегаполис по окружным развязкам. Окраины Вавилона тянулись бесконечными серыми промзонами, бетонными заборами и бесконечными лентами дорожных развязок. И именно в этот момент тяжелая металлическая звёздочка в глубоком кармане куртки Олега внезапно ожила. Она не просто нагрелась — она начала едва уловимо, ритмично вибрировать, словно поймав мощный, неведомый доселе сигнал. Олег опустил руку в карман, обхватил пальцами острые сколы эмали. Он инстинктивно сжал эту раскалившуюся латунь в кулаке, аж пальцы заломило от резкого жара. Значок становился теплее с каждой секундой.

Олег сжимал значок в кулаке, чувствуя, как изнутри звезды пробивается живое, пульсирующее тепло. Звёздочка словно ловила невидимую волну, настраиваясь на частоту, чуждую цифровому эфиру мегаполиса. Поезд тяжело грохотал по высокой эстакаде, и отсюда, сверху, расстилающийся по обе стороны обводного кольца город казался огромным, лихорадочно пульсирующим организмом. Тысячи автомобильных крыш внизу сливались в сплошные металлические потоки, зажатые между безликими серыми коробками торговых центров и бесконечными бетонными развязками.

Словно невидимое ядро провернулось, пуская первый невидимый импульс сквозь пространство, и невидимые нити потянулись к тем, кто прямо сейчас проживал свои часы в оцифрованном городе...

Рядом на сиденье устроился Джек — пёс положил крупную лохматую голову на колени Олега и шумно, преданно вздохнул. Из брезентовой переноски донеслось глухое, недовольное урчание Бонифация, но кот быстро затих, убаюканный мерным перестуком колёс. Поезд набирал ход, унося их на восток.

Глава 3

Мутная вода (Денис)

Поезд с тяжелым металлическим стуком пролетал по высокой эстакаде над южной окраиной МКАДа. Внизу, затянутый вечной сыростью и пеленой мелкого серого дождя, бурлил огромный оптовый рынок. Он жил по законам грязного, бурлящего пруда, который давно зарос камышами, покрылся тиной и превратился из когда-то чистого в почти болото. Пахло перегретым дизельным топливом, гнилой капустой, дешевым табаком и мокрым картоном. Было вечно сыро, промозгло и неудобно. Между бесконечными рядами фур и железных контейнеров хаотично металась тысячи людей, похожих на суетливых мальков. В этом сыром, кричащем хаосе Денис по прозвищу «Карась» чувствовал себя в абсолютной, природной безопасности. Вода была его стихией, пусть пока и мутная, застойная вода торговых низин, но все же текучая, живая, постоянно меняющая форму.

Денис стоял у склада, его глаза чуть презрительно смотрели на рыночную суету. У соседнего склада завязалась какая-то возня, до него долетали обрывки фраз ругани. В свои двадцать три года Карась выглядел как типичный обитатель привокзальных площадей: потертая ветровка неопределенного цвета, стоптанные кроссовки не пойми какой фирмы, вечно полуприкрытые, вороватые карие глаза. Можно оставить детдом, но детдом тебя никогда не оставит. Детдом остался далеко в прошлом, но стиль одежды Денис так и не поменял. Но за этой невзрачной внешностью скрывался человек, способный просочиться сквозь любые ячеи закона и пространства. В его карманах одновременно вибрировали три дешевых телефона. Карась перепродавал всё, до чего мог дотянуться. Он не создавал ценности и не защищал их. Он просто прокручивал чужие ресурсы, снимая свою мутную пену с каждого денежного потока.

К контейнеру подошел хмурый кавказец Ашот в кожаной куртке, от которого пахло сырым мясом. Он лихорадочно переминался с ноги на ногу, судорожно забивая руки в карманы куртки и озираясь на углы.

— Слышь, Карась, — сказал он и сплюнул. — Слышал, ИИ эту, как ее, которая за всеми следит, опять обновляют? Теперь на рынке все точки под камеры загонят, нал наглухо перекроют. Че делать-то будем, брат? Пропадем же совсем.

Денис лениво сплюнул на шербатый асфальт, даже не повернув головы. Он так и остался стоять, расслабленно привалившись плечом к железному косяку двери и щурясь от бликов солнца. Сейчас его внутренний детектор неприятностей молчал — угроза от цифровой системы казалась ему далекой и искусственной. Это всего лишь компьютер, подумал он, а машину создал человек, значит человек умнее.

— Вода всегда дырочку найдет, Ашот, — тихо, с хрипотцой ответил Карась. — Не суети, программы люди писали, а человек всегда хочет кушать, и всегда хочет сэкономить. Где-нибудь да налажают. А мы — везде пройдем, где не пройдем — проедем, а где не проехать — там проплывем.

Денис достал из кармана звонящий телефон, но прежде чем ответить, бросил взгляд на небо над МКАДом. Ему показалось, что сквозь серую городскую хмарь на мгновение пробился странный, слишком яркий, немигающий свет далеких и незнакомых ему звезд. На дисплее телефона блеснуло на миг показавшееся солнце.

Воздух вдруг сгустился и стал покалывать кожу, словно перед сильной грозой. В этот самый миг, когда где-то на окраине МКАДа с грохотом пронесился тяжелый железнодорожный состав, прозрачная пластиковая зажигалка в пальцах Карася внезапно стала раскаляться.

Внутри корпуса в прозрачной масляной среде плавал крошечный серебряный малёк. От резкого, невыносимого тепла малёк внутри масла совершил судорожный, неестественный рывок.

— Бляха! — Карась испуганно взвизгнул, судорожно затряс обожженной кистью и выронил зажигалку на шербатый асфальт. Телефон тут же выскользнул из пальцев. Денис рухнул на пассажирское сиденье своего фургона, тяжело и часто дыша. Он принялся лихорадочно дуть на палец, со злостью посмотрел на телефон и зажигалку. Затем поднял и швырнул остывающую зажигалку рядом на торпеду и уставился на бесконечную реку из габаритных огней перед собой. Но злость ушла так же быстро, как и нахлынула, оставив вместо себя странный, холодный подкожный зуд. Ему — парню, который умел выкрутиться из любой передрыги, — вдруг впервые в жизни стало по-настоящему страшно находиться здесь. Посреди этого каменного мешка. Посреди этого мутного болота.

- Уехать... - неизвестно кому пробормотал Денис. Навигатор машины привычно пискнул, предлагая альтернативны и маршруты движения, но Карась даже не взглянул на экран. Внутри него, под коркой привычного цинизма, появилось ни на чем не основанное, но отчетливое понимание: из этого города надо валить. Не завтра, не через неделю. Но год — это максимум, который у него есть, чтобы собрать пожитки и исчезнуть туда, где заканчивается асфальт и цифровая паутина города.

Денис тряхнул головой, прогоняя странное оцепенение. Сердце заколотилось в рваном, непривычном ритме. Он взял зажигалку, которая уже вернулась к привычной прохладе, передернул плечами и, словно очнувшись, посмотрел на притихшего Ашота. Денис вылез из фургона, по-хозяйски хлопнул дверью и коротко потер ладони друг об друга.

— Кстати, слышь? — Карась загнал нахлынувший страх поглубже. — У меня тут на складе есть партия старых советских армейских радиостанций. Списанные, тяжелые, на лампах. Места занимают дофига, а выкинуть жалко. Забирай по дешевке, а? Подкинешь своим ребятам на дальние склады? Им никакие камеры ИИ не страшны, связь прямая, прикинь? Это тебе не хухры-мухры.

Ашот хмуро поскреб затылок, посмотрел на Дениса с подозрением, но потом махнул рукой, соглашаясь, и тот полез в глубь контейнера пересчитывать коробки с рациями. Оставив себе несколько штук, он вытащил коробки, передал кавказцу, и оставшись в одиночестве, Карась передернул плечами и закурил.

— Сами себе понапридумывают страшилок, а потом ссутся со страха, лошары.

Денис сплюнул на землю. Вода внутри него превратилась в стоячее болото, и Карась задыхался в этой тине, втайне ожидая шторма.

А поезд Олега летел дальше, унося раскалённую латунную звезду Луанг Та вдоль бесконечных московских кварталов, и невидимая нить связи тянулась к следующей точке фиксации.

Все по уставу (Виктор)

«Капитан Савельев не просыпался — он включался. Без зевка, без сонного оцепенения, без хаотичных мыслей. Ровно в 05:00 внутренний хронометр отдал приказ, и глаза открылись, зафиксировав безупречный стык потолочных плит — идеальная прямая линия. Никакой сонной неги. Мир за стенами ведомственной квартиры был безлик и лишен запахов. Где-то на периферии слуха глухо грохотал поезд, отбивая по рельсам стальной ритм: *тук-тук, тук-тук*. Виктор привычно сунул руку под подушку, проверяя ладонью тяжесть компаса, и только после этого окончательно проснулся.

Зуммер наручных часов выдал один короткий, сухой импульс, который тут же затих, не успев нарушить тяжелую предрассветную тишину ведомственной квартиры.

Виктор сел. Спина, словно высеченная из цельного куска скалы, приняла вертикальное положение. Воздух, пропущенный сквозь кондиционер, был холодным, сухим и абсолютно безликим. В этой комнате не водились запахи. Савельев сознательно вытравил из своего быта любые лишние раздражители. Это была его зона безопасности.

Он опустил ноги на пол. Подошвы коснулись жесткого серого линолеума. Его ладони и стопы обладали странной особенностью — абсолютной тактильной памятью. Виктор воспринимал мир через вес, плотность и текстуру предметов. Сейчас подошвы привычно зафиксировали холодную, предсказуемую жесткость пола. Комната площадью шестнадцать квадратных метров была его личным аскетичным вакуумом. Никаких фотографий, памятных безделушек или книг в мягких обложках. Только матовый серый пластик шкафов. Уложенные строго по линейке комплекты формы. Хаос внешнего мира терял здесь силу.

Виктор подошел к раковине и открыл кран. Вода потекла тонкой, холодной струей. Он брлся тяжелым механическим станком, ведя лезвие по щетине уверенными, короткими толчками руки. Он брлся в тишине, почти не глядя в зеркало на свое отражение. Бледное, обветренное лицо с жесткой, каменной мимикой, которая никогда не выражала эмоций. Лицо-функция. Лицо-инструмент. Привычный утренний чек-лист уже разворачивался в голове: подъем, осмотр расположения, утренний доклад, проверка ведомостей. Ни шага в сторону от регламента.

Перед тем как надеть китель, Савельев открыл верхний ящик стола. Латунный артиллерийский компас на толстой цепочке. Виктор взял его в ладонь. Пальцы тут же считали рельеф: паутину мелких царапин на стекле, холодный скол на латунном ободке. Это была вещь прадеда, прошедшая три войны. Стрелка внутри слегка подрагивала, но упрямо, безошибочно указывала на север. Виктор никогда не пользовался цифровыми навигаторами в телефонах. Этот тяжелый кусок металла у сердца был единственным, что связывало его с прошлым — с памятью о временах, когда армия была настоящим, честным долгом, а не бесконечной войной за красивые бумажные отчеты.

Капитан опустил компас в нагрудный карман. Латунь обожгла грудь сквозь рубашку тонким холодом. Застегнув верхнюю пуговицу кителя, Виктор негромко произнес в пустоту комнаты свою привычную фразу: — Задача ясна. Выполняю.

Дорога от дома до расположения части занимала ровно двенадцать минут размеренного шага. Виктор шел своей привычной, кошачьей походкой — сказывалась забайкальская глушь и уроки отца-охотника, учившего ступать так, чтобы под ногами не хрустнул ни один сухой сучок. Подмосковное утро уже дышало тяжелым, предвещающим зной воздухом, но Савельев не замечал жары. Его внутренний каркас держал структуру.

Гарнизон встретил его привычным, но с каждым днем все более осязаемым ощущением распада. У КПП лениво курили двое бойцов из хоззвезда, даже не повернув головы при появлении капитана. На заржавевших воротах шелушилась старая краска, обнажая серый, мертвый металл. На плацу сиротливо высилась куча не вывезенного мусора, от которой тянуло кислым запахом гниющих пайков. Систему больше не заботил внешний лоск, она медленно прогнивала изнутри, превращаясь в громоздкий, сонный симулятор службы.

Виктор вошел в штаб роты. В канцелярии было душно. Пахло перегретым пластиком принтера, дешевым табаком и застоявшимся кофе. Его обостренная чувствительность мгновенно уловила волну чужого страха.

За столом, вцепившись пальцами в глянцевый экран планшета, сидел лейтенант комендантского взвода Соколов. Его воротник был расстегнут, а на лбу выступили мелкие капли пота. При виде Савельева лейтенант вскочил, едва не опрокинув кружку.

— Товарищ капитан... Тут это... Сверка из округа пришла, — Соколов заговорил быстро, сбивчиво, фальшивя на каждом слове. — Полковник Громов рвет и метает. По бумагам у нас на балансе три тонны резервного дизеля числится. Для генераторов на случай ЧП. А по

факту... ну, вы же сами понимаете, бочки пустые еще с зимы. Округ требует цифровую ведомость с подтверждением. Полковник приказал вам лично подписать акт списания «по факту испарения и утечки из-за аномальной жары». К девяти утра отчет должен быть в системе.

Виктор подошел к столу. Кожей лица он ощутил, как воздух в комнате стал еще более густым и душным. Ложь начальства всегда имела для него этот специфический, гнилостный привкус.

— Испарение трех тонн зимнего дизеля в мае? — спокойно, без единой эмоции спросил Виктор. Он замер у стола, жестко заложив руки за спину и глядя на лейтенанта сверху вниз. Лицо его оставалось неподвижной каменной маской.

— Ну да... — лейтенант отвел глаза, судорожно листая пустую ведомость на экране. — Полковник сказал, если округ заблокирует отчет, полетит вся квартальная премия части. И у вас... проблемы будут. Сами знаете, Громов не любит, когда код не бьется. Просто приложите палец к сканеру, капитан. Делов-то на секунду. Мать все спишет.

Внутри Виктора, под этим толстым слоем безжизненного бетона и навязанных рамок, резко шевельнулся запертый огонь. Выжженная совесть мгновенно отозвалась глухой, тягучей болью. Пять лет назад на южной границе такая же слепая исполнительность, такие же фантомные строчки в отчете полковника привели к бессмысленной гибели мирных людей ради красивой бумажки в штабе дивизии. Тогда Виктор взбунтовался. Спас людей, разрушил чужую ложь и навсегда похоронил свою карьеру. Его сослали сюда, в это подмосковное болото, заперев в герметичной капсуле рутинных приказов. И вот опять. Система требовала от него стать послушной частью механизма, забивающего ржавые гвозди в собственный гроб.

На правой щеке Савельева едва заметно заходил желвак. Пальцы правой руки рефлексивно, до хруста в суставах, сжались в кулак, словно ища привычную, тяжелую рукоять оружия. Ложная безопасность его уставного мира трещала по швам.

— Передайте полковнику, что фантомные цифры я подписывать не буду, — отчеканил Виктор. Голос прозвучал сухо и механически, как удар затвора. — Составьте акт о фактическом отсутствии топлива. Пусть округ разбирается, куда ушли эти тонны.

— Но капитан... — лейтенант побледнел, глядя на Савельева как на сумасшедшего. — Громов же вас сожрет.

Виктор не ответил. Он развернулся через левое плечо и вышел из канцелярии, бросив через плечо свою неизменную фразу: — Задача ясна? Выполняйте.

Он шел на плац, зная, что в девять утра начнется буря. Но кусок старой латуни в нагрудном кармане сейчас грел его грудь сильнее обычного.

Несмотря на утренний час летний зной над гарнизоном казалось уже достиг своего пика. Черный асфальт плаца плавился, источая удушливый плотный, тяжелый запах смолы и нефтепродуктов, смешанный с запахом горелого масла и отработанного топлива. От казарм слабый ветерок доносил свежий, резкий и немного химический запах мыльной пены и хлорки. Воздух над плацом дрожал и искажался, превращая пространство в раскаленную сковороду, над которой плыли контуры зданий.

На этой сковородке, выстроившись в две шеренги, потели солдаты третьей роты. Но Громов бесновался на бетонной трибуне вовсе не из-за дизеля — такие вопросы полковник никогда не выносил на всеобщее обозрение. Повод абсурден, как, впрочем, и всегда. Накануне вечером какой-то дневальный, пытаясь освежить расположение, покрасил бордюрный камень у штаба не уставной белильной известью, а остатками серой фасадной краски, найденной в каптерке.

Громов орал уже минут двадцать. Он был багровым от жары и собственного крика, ворот его кителя был расстегнут, обнажая волосатую грудь, а от всей его грузной фигуры разлило смесью дорогого коньяка, пота и парфюма.

— Серость развели! В умах у вас серость! — исходил слюной полковник, размахивая кулаком перед строем. — Рота не способна отличить белый цвет от серого! Савельев, кого ты воспитал? Это не солдаты, это стадо маляров-дегенератов!

Виктор Савельев стоял в двух шагах позади полковника. Смирно. Руки по швам. Его прямая, словно высеченная из цельного куска скалы спина оставалась неподвижной. На бледном, обветренном лице Виктора не было ни одной капли пота, хотя солнце било ему прямо в глаза. Взгляд темно-голубых глаз зафиксировался в одной точке — на облупившейся красной краске пожарного щита на противоположной стороне плаца.

Для Виктора крик полковника не был оскорблением. Это был просто фоновый шум, частотный мусор, который нужно переждать. Жёсткий, хрустящий от крахмала воротник рубашки безжалостно врезался в шею, возвращая Савельева в далекое забайкальское детство. В памяти мгновенно ожил ледяной гарнизонный двор, засыпанный колючей крупой, и тяжелый силуэт отца. Отец-охотник не кричал так грязно, как Громов. Он говорил тихо, но от его слов воздух замерзал в легких. Виктор, будучи мелким пацаном, стоял тогда перед ним на таком же ледяном ветру за то, что плохо вычистил затвор старой двустволки. «Слабость — это дыра в броне, Витя», — говорил отец, неторопливо затягивая ремень на руке. — Сквозь неё тебя сожрет тайга. Или люди. Запомни это крепко». И Виктор запомнил. Он научился превращать себя в камень.

В строю третьей роты реакция на ор полковника была разной. Молодой призывник из Москвы, стоявший в первой шеренге, испуганно моргал, на его виске лихорадочно пульсировала жилка, а по шее катились крупные капли пота — он искренне боялся трибунала из-за банки серой краски. Рядом с ним старый контрактник, прошедший две командировки, смотрел на трибуну пустым, стеклянным взглядом, лениво перекатывая во рту сухую травинку — этот знал, что ор полковника закончится ровно тогда, когда у того иссякнет коньячный запал. Чуть левее ефрейтор тихо, одними губами, матерился, проклиная и Громова, и нерадивого маляра, и этот плавящийся под ногами асфальт.

Полковник резко развернулся, тяжело дыша и вытирая шею платком. — Савельев! — рявкнул он, заглядывая капитану в лицо в поисках привычного угоднического испуга, подсознательно отыгрываясь за утренний демарш с дизельными ведомостями. — Ты меня понял? Контроль за исполнением на тебе. Чтобы к утру у меня эта рота была идеальна! Бордюры обгрызть зубами, но вернуть уставной цвет!

Виктор перевел взгляд на полковника. Его лицо оставалось гладким и спокойным, как зеркало озерной воды в штить. В его голосе не было ни капли иронии, ни капли страха — только чистая, звенящая функция:

— Так точно, товарищ полковник. Задача ясна. Выполняю.

Виктор повернулся через левое плечо и пошел прочь от трибуны. Его шаги были размеренными, легкими и почти бесшумными, несмотря на тяжелые армейские берцы.

И вдруг его внутреннее чутье уловило нечто новое. Воздух вокруг стал не просто липким — он словно потяжелел, уплотнился до предела, превращаясь в густую ртутную взвесь. Савельев сделал глубокий вдох, но легкие встретили странное, физическое сопротивление, словно в атмосфере критически не хватало кислорода. Это не было следствием жары. Это было предчувствие. Так кожей ощущают приближение тектонического сдвига дикие звери в тайге за секунду до того, как задрожат скалы.

Виктор опустил ладонь к нагрудному карману. Латунный компас прадеда, лежавший у самого сердца, не согревал — напротив, сквозь плотное сукно кителя он обжигал грудь глубоким, первобытным, свинцовым холодом. Сердце под латунной пластиной мгновенно заколотилось в рваном, непривычно частом темпе, словно этот кусок старого сплава уже среагировал на космические часы, которые запустили свой обратный отсчет где-то в зените налитого свинцом неба. Натянутые струны эфира вибрировали на пределе возможностей, и Савельев ощущал это

глубоко внутри. В его мозгу вспышкой пронеслась мысль: этот уставной, давно прогнивший мир долго не протянет. Что-то должно произойти, что-то, что изменит ход событий навсегда.

Дорога к дому вела через старую просеку, где подмосковный лес глухо подступал к самой границе военного городка. Солнце уже садилось, но не дарило прохлады; оно превратилось в мутный оловянный диск, застрявший в кронах сосен. Воздух между стволами стоял неподвижно, пропитанный тяжелой, душной гарью от недалекого шоссе и приторным, липким запахом цветущей дикой полыни. Виктор шел медленно, соразмеряя шаг с глубоким, ровным дыханием. Из его головы наконец-то улетучился въедливый коньячный ор полковника Громова, уступив место привычной, холодной тишине.

Ему было всего тридцать два. Возраст, когда его сверстники в Москве строили карьеры, меняли машины, танцевали с девчонками в клубах и тонули в бесконечной цифровой суете, выстраивая ложное благополучие на экранах своих смартфонов. Виктор смотрел на разбитые бетонные плиты под ногами, сквозь стыки которых упрямо пробивалась жесткая, опаленная солнцем трава. Его собственная жизнь застыла в этой бетонной колее пять лет назад, после того короткого, как выстрел в упор, рапорта на южной границе. Ложная безопасность уставного мира, в которой его пытались запереть, трещала под весом собственной лжи. Система, требовавшая красивых цифр вместо живой правды, напоминала огромный, заржавевший механизм, который продолжал крутить шестеренки вхолостую, перемалывая людей в серую труху.

Савельев поднял взгляд на верхушки сосен. Птицы молчали. В лесу не было слышно ни единого писка, ни шороха, словно все живое попряталось в норы, подчиняясь какому-то древнему, невидимому закону. Кожа лица и ладони, обостренно чувствительные к малейшим изменениям плотности пространства, улавливали странное, вибрирующее давление. Воздух казался слишком густым, почти осязаемым, словно перед сильной грозой, которая никак не могла разродиться первым громом.

В кармане глухо и тяжело перекачивался латунный компас. Вещь прадеда, которую когда-то передал ему отец. Виктор вспомнил его сухие, пахнущие ружейным маслом и табаком руки. Отец до конца дней верил в нерушимость присяги, в тяжелую, честную землю под ногами и в то, что армия — это монолит, удерживающий страну от хаоса. Но та страна, за которую проливали кровь его предки в забайкальских сопках, медленно растворялась в бумажных отчетах окружного начальства и в фантомных ведомостях, и Савельев отчетливо понимал, что старые правила больше не работают. Ложь полковников и воровство снабженцев разъедали структуру быстрее, чем ржавчина точила железо на заброшенных складах части.

Что же делать дальше? Подписать акт на дизель и вернуть себе благосклонность Громова? Стать частью этой послушной массы, которая покорно ждет, пока система сожрет их остатки совести? Внутренний взведенный огонь, запертый в самой глубине его существа, глухо отозвался на эти мысли. Виктор знал одно -, что не сломается. Камень не гнется — он может только расколоться от слишком сильного удара. Правда тому, кто захочет его расколоть придется сильно постараться.